

СВ. ИОАНН ЗЛАТОУСТ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ВЛАСТЕЙ ПРИ НЕСЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ

Шамиурин Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27/4
E-mail: shamshuriny2@mail.ru

Власть в Святоотеческом наследии Восточнохристианской традиции Православия – есть бремя, если угодно, послушание, связанное, помимо всего прочего, с осознанием послушником тех издержек, соблазнов и трудностей, которые должны быть бдительно и трезво оценены и даже предугаданы; учтены и иметься в виду теми, кто взваливает на себя это бремя. И не уклоняясь в случае надобности от власти, избегать её порочные издержки-последствия. При этом особо помнить, что, как и всё злое, природа порока дана в смешении, можно сказать – «в смятении». Эти разъяснения – своего рода предварение взглядов Иоанна Златоуста на власть. Точнее на те трудности и ответственность, которые связаны с её несением. Власть и есть прежде всего именно «несение», «служение» (по лат. функция). Это – не «предмет»; это – «отношение». В русском языке у латинского термина «функция», кроме «служба», «служение» есть и ещё более точное и соответствующее глубинам патристики значение – «тягло». Со всеми издержками, свойственным как светскому, так и религиозному «тяглу». Особенно характерна в этой связи работа Св. Иоанна Златоуста «О священстве»

Ключевые слова: Православие, патристика, руководство, наставничество, политика, религия, обязанности, священство, полномочия, власть, слава, мудрость, решимость

ST. JOHN CHRYSOSTOM ON POWER DUTIES AND AUTHORIZATIONS

Shamshurin Victor I., D.Sc. (Sociology), Professor
Lomonosov Moscow State University
27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow, 119234, Russian Federation
E-mail: shamshuriny2@mail.ru

Power in Orthodoxy is a hard burden, humility and those who is striving for power must be conscious about the difficulties and temptations of power which must be estimated and provided for. St. John Chrysostom is one of the eminent representatives of the Eastern Christianity. In his view power is a “difficult calling” because of its mixed nature including good and evil. It is not an “object”. It is a “relation”, “function”, difficult service and even a hard work. In secular and religious senses. One of the most famous work on this subject is the work of St. John “On sacred”.

Keywords: Orthodoxy, patristics, leadership, ruling, politics, religion, duties, sacrum, authorizations, power, fame, wisdom, resolution

Слова о священстве [1] написаны Св. Иоанном по следующему поводу. Златоуст вместе со своим другом Василием решил воспринять смиренную иноческую жизнь вдали от мирских дел. Этому Василия не следует смешивать со знаменитым отцом Церкви Василием Великим, который был уроженцем Каппадокии и имел уже высокий сан, когда Иоанн был ещё отроком. В 370 г. он был епископом; умер в 379 г. Иоанн Златоуст родился около 347 г., а умер в 438 г.

Собравшиеся в Антиохии Епископы вознамерились поставить их обоих в епископы; слух об этом дошёл до Иоанна и Василия. Иоанн, считая себя не подготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой Церкви, скрылся тайно от всех, и даже от своего друга Василия, в пустыню. Василий же был возведён в епископы г. Рафаны, близ Антиохии. Встретившись затем с Иоанном, он дружески стал упрекать его в уклонении от священного сана. В ответ на эти упреки Св. Иоанн и написал шесть слов о священстве, в которых красноречиво говорит о высоком назначении пастырского служения. И не только пастырского. О высокой

ответственности всякой власти вообще. Не только о праве на высшее достоинство-преимущество, но и о власти как тяжелейшем бремени-испытании, связанном с несением, высочайшей меры ответственности. Другими словами – власти как глубочайшем смирении и даже сокрушении. [Подробнее см.: 2]

В ответ на упрёки в гордости, Иоанн восклицает – если я отклонил от себя тяжёлое бремя, то вместо того, чтобы извинить, если не хотят оправдать, «почему обвиняют меня в том, что я пощадил душу свою?» [1, с.422]. Ибо одна мысль о том, что возможно человеку презирать такое достоинство (священства), уже служит доказательством, какое мнение об этом предмете имеют сами высказывающие её, – добавляет он. От кого при этом ожидать похвалы? От народа? Но он не знает дела в точности. От немногих? Но и у них нет точного представления. Именно поэтому Златоуст не только просит, но и умоляет возносящих его в сан пресвитера: «не делайте этого!».

В чём же сложности? Во-первых, является тщеславие, как бы скала ужаснейшая и гораздо опаснейшая скалы Сирен, которую вымыслили баснописцы. Здесь Св. Иоанн имеет в виду известное место Одиссеи Гомера [3, с. 137–140]. Многие, продолжает он, могли проплыть мимо этой скалы безвредно; но для меня это так трудно, что даже и теперь, когда никакая нужда не влечёт меня к этой пропасти, я не могу избавиться от опасности. А если кто вручит мне, говорит Златоуст, эту власть, тот как бы свяжет мне назад обе руки и предаст меня чудовищам, живущим в этой скале, чтобы они каждый день терзали меня. Какие же это чудовища – спрашивает праведник? И сам же отвечает: гнев, уныние, зависть, вражда, клеветы, осуждения, обман, лицемерие, козни, негодование на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости опасные как для приносящих, так и для принимающих их, страх рабский, приличный только презреннейшим невольникам, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания. Или, добавляет Св. Иоанн, – лучше сказать, пред незначительными людьми – чрезмерные, а пред сильными – безмолвные.

Но вот, что важно и даже принципиально: Св. Иоанн Златоуст избегает; точнее, призывает избегать не власти в виде священства или начальства, а власти как первенства. Именно это желание, считает он должно тщательно изгонять из души и даже не позволять ему в самом начале овладевать ею, чтобы можно было действовать во всём свободно. Кто не желает величаться этой властью, тот не боится и лишиться её. А не боясь этого, может делать всё со свойственной христианам свободой. Напротив, опасющиеся и боящиеся низвержения претерпевают жалкое рабство, соединённое со многими бедствиями, и часто принуждены бывают оскорблять и людей, и Бога.

Не маловажна для Св. Иоанна и ещё одна причина – публичный характер руководящей деятельности. Священник (добавим – и ответственный политик тоже) должен быть бодрствующим и осмотрительным, и иметь множество глаз со всех сторон, как живущий не для себя одного, а для множества людей. Небрежному, слабому и едва могущему заботиться о собственном спасении (а именно к таким людям причисляет себя Златоуст) – здесь делать нечего. Итак, вместе со строгостью жизни требуются ещё и опыты душевного мужества. Пренебрегать яствами, напитками и мягким ложем для многих, – утверждает Иоанн Златоуст, – не составляет труда, особенно для людей грубых, и воспитанных так с малолетства, и для многих других, у которых сложение тела и привычка смягчают суровость таких подвигов. Но переносить оскорбление, клевету, язвительное слово, насмешки от низших необдуманные и обдуманные, напрасные и тщетные укоризны от начальников и подчинённых могут не многие, а один или два; и можно видеть, что люди крепкие в тех подвигах так возмущаются этими неприятностями, что свирепствуют хуже диких зверей. «Если пред-

стоятель не изнуряет себя голодом и не ходит босыми ногами, это нисколько не вредит церковному обществу; а свирепый гнев причиняет великие несчастья, как самому преданному этой страсти, так и ближним.»[1, с.433].

И даже далёкому от этого недуга не следует обольщаться, поскольку, возможно, что он сдерживает эту страсть не силою воли, а всего лишь любовью к спокойствию. Кто из народа, спрашивает Св. Иоанн, пожелает быть кротким, видя начальника гневливым? Точно также и священнику нельзя скрыть свои недостатки; и малые из них скоро делаются известными. Ратоборец, пока остаётся дома и ни с кем не вступает в борьбу, может скрываться, хотя бы он был слабейшим. Но когда выступит на подвиги, тотчас изобличается. Так и люди, ведущие частную и недейтельную жизнь, уединением прикрывают свои грехи; но быв выставлены на вид, бывают принуждены сбросить с себя одиночество, как бы одежду, и обнаружив для всех души свои посредством внешних движений. Как добрые дела их приносят пользу, побуждая многих к соревнованию, так и злые проступки их делают подчинённых более нерадивыми о делах добродетели и располагают к уклонению от похвальных трудов.

Кроме того, проступки простолюдинов, хотя бы и обнаружались, никому не наносят значительной беды: а проступки стоящих на высоте, у всех на виду. Но этого мало – самая малая погрешность представляется уже великою, «потому, что все измеряют грех не важностью самого действия, но достоинством погрешающего» [1, с. 435]. Хочет этого руководитель любого ранга или нет, но все начинают судить о нём не как о существе, облечённом плотью и имеющем человеческую природу, но как об ангеле непричастном никаким слабостям. Как тирана, пишет Св. Иоанн, пока он владычествует, все боятся и льстят ему, потому, что не могут низложить его; но когда заметят, что дела его начинают меняться, тогда, оставив притворную лесть, недавние друзья вдруг делаются врагами и неприятелями и, узнав все его слабости, стараются лишиться его власти. Тоже самое бывает и со священником: те, которые недавно, когда он был в силе, почитали его и угождали ему, воспользовавшись незначительным поводом, сильно вооружаются на него, и стараются низвергнуть его, не как тирана только, но как ещё худшего человека. Как тиран, пишет Златоуст, боится своих телохранителей, так и священник опасается своих близких и сослуживших ему более всех. Именно они как никто более всех домогаются его власти. Они лучше всех знают его дела и легко могут войти в доверие и встретить доверие даже клеветам своим и, представляя малое великим, повредить оклеветанному».

Какие ещё опасности власти (даже не столько власти, а только ещё прихода к ней) видит Иоанн; опасности, преодоление которых для него, по его мнению, чрезмерны? Очень часто, слишком часто призывают не тех, кто достоин по своим душевным, деловым качествам, способностям. Напротив, бывают и другие побуждения к предоставлению этой чести. Например, знатность рода (сейчас бы сказали – «блат» – В.Ш.), владение имуществом (поэтому, мол, не будет воровать – В.Ш.). Или – родство, или – лесть. Особо притягательно, когда выдвигают добровольно перешедшего бывшего противника. Некоторых же, наоборот, выдвигают из опасения, чтобы не предались на сторону противников. Иные же – за свою злобу, чтобы они, будучи обойдены, не сделали много зол. И после всего этого, восклицает Св. Иоанн, что может быть беззаконнее, когда люди негодные и исполненные множества пороков получают честь священнического или начальственного достоинства? По мнению Златоуста, когда управление делами вверяется или тем, кому они вовсе не свойственны, или тем, силы которых много превышаются ими, тогда церковь становится нисколько не отличною от Евриппа. Употребляя эту метафору, праведник имеет в виду Еврипп – узкий пролив в Средиземном море, отделяющий о. Евбею от Биотии и Аттики, в котором, вода, по сказаниям греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью. И если прежде Св. Иоанну были смешны мирские начальники за то, что при раздавании почестей они обращают внимание не на душевную добродетель, а на богатство, преклонность лет и покровительство людей. То ныне, по его призна-

нию, когда услышал, что такое неразумие проникло и в дела церковные, он уже не стал считать это странным. Но и на этом не останавливаются, а прибавляют и другое, более безрассудное: не только избирают недостойных, но и отвергают способных. Причины этих зол одинаковы с прежними потому, что, по Св.Иоанну, у них один корень и, так сказать, мать их одна – зависть. Виды, проявления зла здесь самые разные. Как и различий между ними. Например, одного соискателя власти отвергают за молодость; другого – потому, что не умеет льстить; третьего за то, что поссорился с таким-то человеком; четвёртого, чтобы такой-то не оскорбился, увидев, что предложенный им отвергнут, а избран этот; пятого – за доброту и скромность; шестой – слишком страшен для согрешающих; седьмой – по другой подобной причине. И вообще, говорит Златоуст, не затрудняются приводить столько предлогов, сколько захотят. А если не найдут ничего другого, то ставят на вид и богатство, и то, что не должно возводить в эту честь вдруг, а постепенно и мало по малу, и другие причины могут найти какие захотят. И как тут быть наставнику, – спрашивает Св. Иоанн? Что должно делать? Как устоять? Как ему отразить все эти нападения? Если он будет руководствоваться в делах здравым рассудком, то и ему и избранным все становятся врагами и неприятелями, делают всё вопреки ему, каждый день производят раздоры и преследуют избранных бесчисленными насмешками, пока не низвергнут их и не возведут своих приверженцев. И бывает подобное тому, пишет Златоуст, как если бы внутри плывущего корабля кормчий имел своими спутниками морских разбойников, которые и ему, и гребцам, и плователям постоянно и ежечасно причиняли бы козни.

И тут руководитель должен иметь выдающиеся качества. Точнее – удивительные способности к их сочетанию. Ещё более точно – к сочетанию несочетаемого. Имеющий дар правления людьми, должен быть и важным и негордым, суровым и благосклонным, властным и общительным, беспристрастным и услужливым, смиренным и нераболепным, строгим и кротким, чтобы он мог удобно противостоять всем препятствиям. Он должен, по Златоусту, с полною властью принимать человека способного, хотя бы все тому противились, а неспособного с такою же властью отвергать, хотя бы все действовали в его пользу, иметь в виду одно только благосостояние церкви. А мы скажем – любой вверенной в управление организации. И ничего не делать по вражде или из угождения кому-нибудь.

Кроме того, продолжает Златоуст, соискатель должен наперёд хорошо разведать всё, относящееся к этому служению, и только потом приступал к нему. Особенно трудны дела милосердия, попечение о нуждающихся. Сейчас говорят – социальная работа. Например, говорит св. Иоанн, призрение вдовиц, попечение о девственницах, а также многие трудности судебного дела. Каждое из этих дел сопряжено с различными заботами и ещё больше забот – со страхом.

Самым лёгким, считает Св. Иоанн, представляется управление-милосердие, пекущееся о призрении вдовиц, которое, по-видимому представляет пекущимся о них заботу, ограничивающуюся денежными издержками. Однако всё не так просто и одним увеличением финансирования ограничиваться нельзя. Если конечно важен результат. В противном случае одаривание всех и без разбора причиняет множество бед – рушатся семьи, расторгаются браки, случаются кражи и воровство, нетрезвость и многие подобные поступки. Поэтому, полагает Златоуст, нужно делать тщательное и строгое исследование, чтобы облагодетельствованные не обделяли тех, кто действительно нуждается. Кроме того, не меньше забот и о том, чтобы жизненные припасы для них поступали обильно и никогда не оскудевали. «Непроизвольная бедность дурна тем, что бывает ненасытна, зыскательна и неблагоприятна. Требуется много благоразумия и много старания, чтобы заграждать им уста, пользующиеся всяким предлогом к осуждению» [1, с. 440–441]. Дела же усложняются ещё и тем, что народ, по мнению св. Иоанна, как скоро увидит кого-нибудь непристрастным к богатству, тотчас объявляет его способным к распоряжению этим делом. И хотя,

действительно, великодушие, без которого управитель будет скорее губителем, а не покровителем; волком, а не пастырем, необходимо, но не достаточно. Нужно иметь и другое качество. Это – терпение, причина всех благ для людей, полагает Златоуст. И уточняет, – нуждающиеся, в частности, вдовицы, и по своей бедности и по возрасту и по свойству своего пола позволяют себе, так сказать, некоторую неумеренную дерзость. Они кричат безвременно, обвиняют напрасно, жалуются на то, за что надлежало бы благодарить, и порицают за то, за что надлежало бы хвалить. Всё это предостоятельно надобно переносить мужественно и не раздражаться ни безвременными требованиями, ни безрассудными укоризнами. Потрясающе проникновенны слова праведника о том, что женщин должно щадить в несчастье, а не оскорблять; так как безжалостность к несчастьям прибавляет несчастья, поскольку к скорби от бедности присоединяется ещё и скорбь от обиды. А это крайне жестоко. Власть – не для человека раздражительного (ибо, что можно сказать больному), а для того, кто может перенести слабость бедного, и увещевает прежде подавания, ободряет его кротким взором и ласковым словом. В самом деле, когда нужда от голода заставляет людей просить и в просьбах пренебрегать стыд, а за бесстыдство они опять подвергаются огорчениям, то на душу их, пишет Златоуст, нападает разнообразная и производящая густой мрак сила уныния. Пекущийся о них должен быть столь великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укоризнами, но по возможности облегчать их состояние утешением. Как тот, восклицает св. Иоанн, что потерпел обиду, при большом изобилии не чувствует большой пользы от богатства по причине нанесения обиды, так и тот, кто слышал ласковое слово, и принял подаванное с утешением, более веселится и радуется, и самый дар бывает вдвое большим от такого способа даяния. Итак попечителю подобает быть не только кротким и незлобивым, но и бережливым. Нужна великая предусмотрительность, чтобы ни умножить до чрезмерности, ни доводить имущество до оскудения, но всё собранное немедленно раздавать бедным. А вот из добровольных пожертвований и приношений народа собирать церковные сокровища – «стратегические запасы». Содержание бездомных, медицина – на это требуются огромные издержки. И попечитель должен собирать средства с кротостью и благоразумием, чтобы располагать богатых делать свои жертвования с охотой и без сожаления, дабы, заботясь о призрении немощных, не огорчить душ жертвователей. Усердия же и ревности здесь нужно оказывать гораздо больше, потому что больные по свойству своему раздражительны и беспечны; и если не прилагать во всём великой попечительности и заботливости, то довольно и малого какого-нибудь упущения, чтобы причинить великое зло больному.

Судебная же часть (служения епископа также), считает св. Иоанн, сопряжена со множеством неприятностей, большими хлопотами и тяжкими трудностями, каких не переносят и мирские судьи. Нелегко найти правду. Трудно и найденную сохранить неизвращенною. Но сложность задачи не должна отвращать от её выполнения. Бывают и немалые опасности – например, более слабые, подвергшись суду и не нашедши защиты, которую, несмотря ни на что только и считают справедливостью, отпадают от веры. А многие из обиженных, ненавидя обидчиков, ненавидят столько же и тех, которые не оказывают им помощи. При этом они не хотят принимать во внимание ни сложности дел, ни трудности обстоятельств, ни ограниченности власти. В том числе и священнической. Они – неумолимые судьи, принимающие Вов внимание только одно – освобождение от угнетающих их бед. А кто не может этого сделать, тот, хотя бы представлял тысячи оправданий, никогда не избежит их осуждения. Но есть и другой повод к укоризне власти. Если епископ, замечает св. Иоанн, не будет ежедневно встречаться с гражданами чаще, чем городские смотрители, то отсюда происходят невыразимые неудовольствия. Ибо не только больные, но и здоровые желают его посещения. И не по побуждению благочестия, но многие скорее домогаясь себе чести и уважения. Если же случится, что какая-нибудь нужда заставит его, для общего блага церкви, чаще видеться с кем-нибудь из богатейших и силь-

нейших людей, этим он тотчас навлекает на себя упрёк в угодливости и лести. А то и хуже – добавим, как сейчас принято говорить – в сервиллизме.

Но что я говорю, пишет Златоуст, о защите и посещениях? За один разговор свой он подвергается такому множеству нареканий, что часто, обременённый их тяжестью, падает от уныния: его судят и за взгляд. Самые простые действия его многие строго разбирают, примечая и тон голоса, и положение лица, и меру смеха. «С таким-то, говорят, он громко смеялся, обращался с весёлым лицом и разговаривал возвышенным голосом, а со мною мало и небрежно. И если в многолюдном собрании он обращает глаза во время разговора не во все стороны, то также считают это обидою для себя». И кто же, спрашивает св. Иоанн, не имея великого мужества может так действовать, чтобы или совершенно не подвергаться суждениям столь многих обвинителей, или подвергшись – оправдаться? Главное же состоит в том, что, кто почтён выше своего достоинства, тот не должен представлять в оправдание своих погрешностей величие этой чести, но великое о нём попечение Божие должен обращать в побуждение к большему преспеянию в добре.

Тот, кто думает избежать заслуженного им наказания за то, что получил большие перед другими почести, поступает, согласно св. Иоанну, подобно тому, как если бы кто из неверующих иудеев стал обвинять Спасителя и Благодетеля, и говорить: для чего же Ты пришёл и глаголал? Для чего творил знамения? Для того ли, чтобы больше наказать нас? Но это, по Златоусту, слова неистовства и крайнего безумия. Врач, считает он, пришёл не для того, чтобы презреть тебя болящего, но чтобы совершенно освободить тебя от болезни, а ты добровольно уклонился от рук его; за это прими жесточайшее наказание. Если бы ты принял врачевание, то очистился бы от прежних болезней. А так как ты, видя пришедшего врача, убежал от него, то уже не можешь очиститься от них. Если же не можешь, то будешь наказан за них и вместе за то, что попечение его о тебе сделал тщетным, сколько это от тебя зависело. Поэтому, считает св. Иоанн, мы не одинаково подвергаемся изгнанию до принятия или после принятия почестей от Бога, но в последнем случае гораздо строжайшему. «Кого не исправляют благодеяния, тот достоин большего наказания» [1, с. 449].

В этом случае, согласно Златоусту, как для избранных не довольно сказать в своё оправдание: я не сам вызвался, я не предвидел и потому не уклонился; так и избирающим нисколько не может помочь то, если они скажут, что не знали избранного; но поэтому самому вина и становится большею, что они приняли того, кого не знали, и кажущееся оправдание служит к увеличению осуждения. И намеревающийся избрать должен делать большое испытание, а ещё гораздо больше – избираемый. А что сказать о распрях своих ближних. Распрях, рассудить которые предстоятельно труднее всего. А здесь ничего такого придумать нельзя; но после примера дел предоставлен один вид и способ врачевания – учение словом. Вот орудие, вот пища, вот превосходное растворение воздуха! Это вместо лекарства, это вместо огня, это вместо железа; нужно ли прижечь или отсечь, необходимо употребить слово; если оно нисколько не подействует, то всё прочее напрасно» [1, с.453]. При этом сложность пастырского служения состоит в том, что внутренние раздоры паствы не меньше внешних нападений, но ещё более представляют труда для наставника. Одни из любопытства тщетно и напрасно хотят исследовать такие предметы, которые и знать было бы бесполезно и познать невозможно. Другие же требуют от Бога отчёта в судьбах Его, и усиливаются измерить эту великую бездну. Ибо судьбы Твои, пишет св. Иоанн, ссылаясь на Писание, “бездна многа” (Псал. XXXV, 7). При этом истинно пекущихся о вере и жизни найдётся немного. Гораздо более таких, которые исследуют и изыскивают то, чего найти невозможно, и изыскание чего оскорбляет Бога.

Между тем, полагает Златоуст, и при таком положении дела, кто со властью станет заграждать уста исследующим недоступные предметы, тот навлечёт на себя упрёк в гордости и невежестве. Здесь также настоятельно приличествует величайшее благоразумие. Особого изумления здесь заслуживает пример апостола Павла, на ко-

того и ссылается св. Иоанн: «всяко писание богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде: да совершен будет Божий человек» (2 Тим. II, 24).

Однако кроме опытности руководитель и наставник в борьбе за истину, согласно Златоусту, должен обладать ещё некоторыми качествами. Точнее, неумение пользоваться этими качествами бывает причиною множества опасностей. «Что же это? Великий труд, состоящий в беседах пред народом в общих собраниях» [1, с. 461].

Во-первых, пишет Св. Иоанн, пасомые большею частью не хотят относиться к говорящим, как к наставникам, а поднимаясь выше положения учеников, принимают положение зрителей, присутствующих на мирских зрелищах. Как там народ разделяется, и одни принимают сторону одного, а другие – другого: так и здесь разделившись, слушают говорящих, сообразуясь со своим благоприятным или враждебным расположением.

Во-вторых, если случится кому из говорящих прибавить к своим словам какую-нибудь часть чужих трудов, то он подвергается большим укоризнам, чем похитители чужого имущества. А часто терпит, продолжает Златоуст, такое обвинение и тот, кто только подозревается в этом, хотя бы ни у кого ничего не заимствовал. Но что тут говорить о чужих трудах? Часто он не может пользоваться и своими сочинениями. «Люди большею частью привыкли слушать не для пользы, а для удовольствия, представляя себя как бы судьями артистов или музыкантов. Искусство слова здесь так одобряется, как у софистов, когда они спорят друг с другом.

Итак, заключает св. Иоанн, и здесь нужен человек с душою мужественною, Много превосходящую нашу немощь, чтобы он мог отвлекать народ от этого непростой и бесполезной удовольствия и приучать его к слушанию более полезному так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он руководился прихотями народа. Но этого, согласно Златоусту, нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: презрением похвал и силою слова. При этом, если не будет одного из них, то и остальной по отделении от первого, будет бесполезен.

Если презирающий похвалы не преподаёт учения, растворённого благодатию и солию (Кол. IV, 6), то он лишается уважения у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия, – пишет св. Иоанн. А если исправный по этой части будет прельщаться славою рукоплесканий, то произойдёт одинаковый вред и для народа и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, нежели для пользы слушателей. И как тот, кто не имеет пристрастия к похвалам и не умеет говорить, хотя и не угождает народу, но не может приносить ему и какой-либо значительной пользы от того, что не может ничего сказать; так и увлекающийся страстью к похвалам, хотя может вести беседы назидательные для народа, но вместо них, по Златоусту, предлагает то, что более услаждает слух, приобретая этим себе шум рукоплесканий. Отличный руководитель должен быть силён в том и другом, чтобы недостаток одного не уничтожил и другого.

От чего ещё следует воздерживаться? От ненависти и зависти. Священники не должны ни надмеваться похвалами народа, ни огорчаться порицаниями, если они будут неосновательны. Трудно это, блаженный, – обращается к Василию Златоуст, – а может быть, я думаю, и не возможно. Тем более, что: «Слушатели сидят и судят о проповеди не по её содержанию, а по мнению о проповедующих». Да и вообще человеку невозможно всегда быть одинаковым и во всём успевать; но естественно иногда и погрешить и оказаться слабее собственной силы. «Ни о чём этом, как я сказал, не хотят подумать, но винят проповедника, судя о нём, как об ангеле» [1, с. 464-465]. И вообще, сетует св. Иоанн, человек таков, что на заслуги ближнего и многочисленные и великие не обращает внимания; а если откроется какой-нибудь недостаток, – хотя бы незначительный, хотя бы давно случившийся, – тотчас узнает его, немедленно привязывается к нему, и всегда помнит его. И это малое и незначительное часто уменьшает славу многих и великих мужей.

Впрочем, возможно и другое – многие непрестанно беспокоят наставника – напрасно и без причины, и, не имея, в чём обвинить его, враждуют против него за то, что он всеми уважается. Но не только с ними бывает борьба у доблестного мужа, но часто и с невежеством целого народа. Нужно, – утверждает Иоанн Златоуст, – вооружаться мужеством против таких несправедливостей, и тех, которые поступают так по невежеству, прощать, а тех, которые делают это по зависти, оплакивать как несчастных и жалких, и быть уверенным, что собственная сила ни от тех, ни от других не умаляется. Если найдётся такой человек, пишет св. Иоанн, который может поправить этого неуловимого, неодолимого и дикого зверя, т.е. народную славу, и отсечь многочисленные его головы. А лучше – не допустить этой славы и не зарождаться в начале, тот будет в состоянии отражать все эти нападения.

Кроме того у власти много искушений – прежде всего экономического характера. Но главная причина бесчисленных зол – это почести. Почести, оказываемые женщинами, хотя и ослабляются силою целомудрия, однако часто и низвергают того, кто не научился постоянно бодрствовать против таких козней; ибо «взор не только невоздержанной, но и целомудренной женщины поражает и смущает душу, ласки обольщают, почести порабащают, и пламенная любовь – эта причина всех благ – делается причиною бесчисленных зол для тех, кто неправильно пользуется ею» [1, с. 475]. А от почестей, оказываемых мужчинами, если кто их будет принимать не с великим равнодушием, «тот впадает в две противоположные страсти – рабское угождение и безумное высокомерие, с одной стороны, вынуждаясь унижаться пред льстецами своими, а с другой – воздаваемыми от них почестями надмеваясь пред низшими и низвергаясь в пропасть безумия» [1, с. 469–470].

Монах, пишет Златоуст, пребывая в уединении с самим собой, не возмущается и не совершает многих и тяжких грехов. Он удалён от всего, раздражающего и возмущающего душу. Но если посвятивший себя на служение целому народу и обязанный нести грехи многих остаётся непоколебимым и твёрдым, в бурное время управляя душою, как бы во время тишины, то он по справедливости достоин рукоплескания и удивления всех. Потому что он, считает св. Иоанн представил ясное доказательство своего мужества. Ещё более важно, дерзновение, полученное от служения. Это та отвага, которая устраняет все препятствия, стоящие перед мудрой и успешной властью. Будет испытание – будет и решимость; будет решимость – будет и дерзновение; а будет дерзновение к исполнению власти – будут на то даны и силы. Видимо, этот оптимистический вывод и переборол, в конце концов, все личные сомнения Златоуста, связанные с осознанием трудностей руководства и наставничества. Не позже 386 г. Св. Иоанн уже был рукоположен в пресвитеры.

Список литературы

1. Св. Иоанн Златоуст. О священстве // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в 12 тт. Т. 1. Кн. 2. М.: Православная книга, 1991, с.403-484.
2. Житие святого отца нашего Иоанна, патриарха Константинопольского // Жития святых. Византийский канон III-IX вв. М.: Эксмо, 2004, с.235-317.
3. Гомер. Одиссея. М.: Наука, 2000. – 482 с.

Reference

- 1.St. John Chrisostom. On sacred. Collected works in 12 volumes/ V.1 (2). М.: Orthodox book,1991, p. 403-484.
- 2.The agiography of St. John. The agiography of Byzantine 3-9 centuries. М.: Ecsmo, 2004, p.235-317.
- 3.Homer. Odyssey. М.: Nauka, 2000. – 482 p.